

ВЛАДИМИР КУЛИК,

кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института политических и этнонациональных исследований НАН Украины

Созидание общественной нормальности в медийном дискурсе: концептуализация и украинская специфика

Abstract

The article analyzes an understudied but important aspect of ideological influence of the media, namely their role in defining beliefs regarding social normality and spreading a normality-oriented worldview. The author conceptually distinguishes normality from normativity: in contrast to the norm as a reflection of certain cultural or ideological values, the normal is of value precisely due to being widespread. The discursive presentation of certain actions or beliefs as normal at the same time constitutes their performers or holders as normal people. The media discourse plays a major role both in defining the limits of normality and in establishing the priority of not transgressing them. The main factors encouraging the audience to perceive media texts in terms of normality rather than norm are, first, plurality and interchangeability of represented objects and, second, the non-problematized nature of representation, that is, the practice of mentioning or showing certain patterns without stressing, discussing or otherwise drawing attention to them. In post-Soviet Ukraine, these factors are particularly active due to political and social contexts in which the media are functioning, and because of ideological orientations of their managers and journalists.

Среди разных аспектов идеологического влияния, которое дискурс масс-медиа может оказывать на аудиторию, исследователи обращали внимание прежде всего на два: вклад в поддержку общественно-политического статус-кво и в (вос)создание социальных и культурных идентичностей, в частности национальной. Эта статья рассматривает иную — малоизученную, но очень важную для понимания идеологического влияния медиа в со-

временном обществе составляющую: их роль в формировании представлений об общественной нормальности и в расширении ориентированного на нее мировоззрения.

Норма, нормальность и нормализм

Одна из главных функций любой идеологии — создавать и поддерживать представления членов общества или группы о должном поведении в различных ситуациях, то есть о *нормах* такого поведения. Идеологии выполняют эту функцию путем артикулирования самих норм или, чаще, дискурсивного представления соответствующего и не соответствующего им поведения. Начинаясь в период социализации новых членов общности, эта нормативная ориентация со стороны разных идеологий/дискурсов действует на человека в течение всей жизни. Некоторые нормы общность явно артикулирует и фиксирует, например государственные законы, правила правописания или процедуры богослужений. Однако большая часть норм укореняется в сознаниях людей в качестве здравого смысла, после чего поддержание их происходит в первую очередь путем демонстрации действий, соответствующих основанным на нем ожиданиям [Гарфинкел, 2005; Кулик, 2003]. Доминирующая неартикулированность подобных норм обуславливает некоторые расхождения в их толковании, к тому же точное соблюдение их во многих ситуациях невозможно. В любом случае здравый смысл — то есть совокупность представлений, которые члены общности сознательно или бессознательно наделяют этим статусом [Geertz, 1983: p. 75], — считает приемлемыми некоторые отклонения от нормы. Более того, зачастую и саму норму он истолковывает не как одно-единственное состояние предмета или осуществление процесса, а как определенный спектр возможных состояний/осуществлений, точнее отрезок спектра от одной предельной точки до другой. Такие состояния и осуществления носители этого смысла считают *нормальными*.

Концептуальному отделению нормальности от нормативности существенно препятствует постоянное смешивание их в повседневном и институциональном языке (в частности, подача прилагательного “нормальный” в качестве грамматически, а значит и семантически соответствующего существительному “норма”¹). Однако, как доказывает Юрген Линк, автор основательного исследования истории употребления и толкования лексического комплекса “нормальный” [Link, 1999], это прилагательное в реальном употреблении (в немецком и других западноевропейских языках) почти никогда не означает “соответствующий норме” или “нормативный”. Нормальность определяют не по заранее известной норме, на которую ориентируются общественные акторы, а по среднему значению определенной величины, которое устанавливают уже после выполнения действия и учитывают в последующих действиях данного типа, стремясь приблизиться к этому среднему — чтобы фактическое значение не отклонялось от него

---

¹ Скажем, “Словник української мови” определяет “нормальный” так: “Не имеющий отклонений от нормы; соответствующий общепринятым нормам, требованиям и т.п.; обычный” [Словник, 1974: с. 443]. Здесь соответствие норме и обычность поданы как синонимы, хотя эти значения как раз и отражают различие между нормативным и нормальным.

более, чем на определенную величину, в случае превышения которой поведение актора будет считаться ненормальным.

Если понятие нормы присуще всем человеческим общностям, то нормальность, как ее понимает Линк, является “исторически специфическим “достижением” современных западных обществ” [Link, 2004a: p. 17]. Эти общества постепенно ввели всеобъемлющую статистическую обработку “данных” о различных аспектах деятельности своих членов и таким образом свели эту деятельность к набору средних показателей, по которым (в частности, графически представленным в виде кривых, делающих наглядным изменение показателей со временем) ориентированный на нормальность дискурс — нормализм — судит и об общественной адекватности отдельных лиц и групп, и о динамике состояния всего общества. В основе этой практики лежит представление о функциональной тождественности индивидов, сравнимость их действий и значимость только суммарных результатов (взаимо)действий огромных масс, а не отдельных усилий единиц. Люди становятся, говорит Линк, чем-то вроде шаров в так называемом Гелтоновом сите, которые, последовательно ударяясь о специфически расположенные гвозди, с одинаковой вероятностью отскакивают в обе стороны, но в итоге преимущественно оказываются ближе к середине. Распределение позиций, в которых оказываются эти шары, можно изобразить Гауссовой кривой в форме колокола — с максимумом посередине и симметричными спадами к нулю по обе стороны, — которой в математической статистике описывается распределение значений случайной переменной, называемое нормальным. Для этого распределения характерна, с одной стороны, почти равная нормальность всех позиций в широкой зоне вокруг середины, а с другой — равная (не)нормальность значительных отклонений в обе стороны [Link, 2004b: p. 52–54; 1999: S. 40].

Приписывая нормализму такую оценку нормальности разных показателей, Линк имеет целью подчеркнуть действующее в этом дискурсе представление о нормальности как обычности и ординарности. В отличие от нормы как отражении определенных культурных или идеологических ценностей, нормальное значение является ценностью именно благодаря своей распространенности. Одной из причин укорененности этого представления в повседневном и медийно-политическом дискурсах он считает заимствование медицинского (в частности психиатрического, согласно которому нормальным называют человека без нарушений психики) понимания нормального как не (слишком) девиантного, допустимым, а значит, не заслуживающим (немедленного) вмешательства [Link, 1999: S. 21]. Поэтому нормалистические дискурсы заботятся не о том, чтобы общественные процессы и поведение людей точно соответствовали определенной норме, а чтобы не выходили за рамки нормального. В этих рамках нормализму важно не столько то, как *должно* быть, сколько то, как *может*, а это, опять-таки, определяется в основном тем, как обычно — “нормально” — *бывает*. Вместе с тем за рамками нормального он считает отклонения в обе стороны (а именно “слишком высокую” и “слишком низкую” рождаемость либо “радикальный” национализм или космополитизм) в равной мере неприемлемыми. Ясное дело, на практике этой симметрии обычно нет, поскольку к нормалистической ориентации добавляются какие-то другие — иначе говоря, нормализм не полностью вытесняет нормативизм, или скорее не полностью побеждает его:

ведь сама (в основном неявная) ориентация на “золотую середину” и пренебрежение любыми причинами существенно от нее отклоняться тоже оказывает нормативное действие, то есть нормальность является не только описанием, но и предписанием — нарушение которого делает человека в глазах сообщества лишенным здравого смысла, попросту говоря, ненормальным.

Как и для здравого смысла, для нормальности *признание* со стороны ее носителей равносильно *действию* в сообществе этих носителей: согласно формулировке Линка, “нормальным является именно то, что “нормально” считается нормальным”, то есть не заслуживающим обеспокоенности и вмешательства” [Link, 1999: S. 23]. Несмотря на кажущуюся тавтологичность этой формулы, она очерчивает ту самую взаимосвязь с дискурсом, на которую исследователи указывали применительно ко многим другим представлениям: “то, что “считается” обычным (нормальным), таким образом конституируется как нормальная реальность — вплоть до абсолютно крайне грани “безумия”...” [Link, 1999: S. 42]. Вместе с тем это конституирует исполнителей подобных действий или носителей данных представлений как нормальных людей. Зависимость нормальности от практик, которые ее воплощают, наиболее четко проявляется именно в обозначении ее границ, которые могут быть более узкими и жесткими или более широкими и гибкими¹, а также различными в разное время и в разных общественных сферах, где за их пределами оказывается — *становится* девиантным — то какой-либо один способ поведения, то другой [Link, 2004a: p. 27]. Несмотря на эти различия, определяющий критерий проведения границ всегда заключается в том, что они должны охватывать большинство членов соответствующей общности — иначе это не будет нормальность [Link, 1999: S. 23].

Впрочем, установить это соответствие, то есть принадлежность данного нормализованного объекта к определенному классу не всегда просто — в том числе из-за соперничества различных идеологий, отстаивающих свои классификационные системы. Если, как утверждала цитируемая в книге Линка немецкая публицистка Бригитте Зебахер-Брандт, “нормальность означает: быть как другие” [Link, 1999: S. 16], то разные люди по-разному определяют для себя и своей воображаемой общности круг тех недругих других, на которых нужно ориентироваться (в этом классификационном ограничении проявляется еще один нормативный аспект нормализма). Для Зебахер-Брандт и большинства западногерманских элит желательная нормальность после 1989 года означала (обновленное) обретение многих признаков, свойственных другим нормальным государствам, в которых немцам, в силу ненормальности их прошлого, в течение полувека было отказано. Однако множество объектов, по образцу которых должна была нормализоваться Германия, охватывало не все государства мира, а, во-первых, только национальные (поэтому послевоенный раздел нации между двумя государствами они нормальным не считали), во-вторых, только демократии за-

---

¹ Линк концептуализирует эти два способа разграничения как две разных стратегии нормализма, первую из которых он называет протонормализмом, а вторую — гибким нормализмом. По его мнению, в западных обществах после Второй мировой войны господствовал гибкий нормализм, но отдельные вызовы их стабильности (в частности, террористические акты 11 сентября 2001 года) привели к усилению протонормалистической ориентации [Link, 1999: S. 75–82; 2004a: 27–31].

падного типа (поэтому ФРГ должна была поглотить ГДР, а никоим образом не наоборот), в-третьих, только развитые и могущественные (поэтому одним из требований этих элит было предоставление объединенной Германии постоянного членства в Совете Безопасности ООН). То есть, как отмечает Линк, по сути, речь шла только о “большой семерке”, которая на фоне большинства государств мира является скорее экстремой, нежели ordinарным случаем [Link, 1999: S. 17].

Во времена радикальных политических и идеологических трансформаций нормативное измерение нормальности становится гораздо заметнее, чем обычно, поскольку лежащую в ее основе классификацию члены общности перестают воспринимать в качестве здравого смысла. З.Раусинг замечает, что для эстонцев начала 1990-х годов “нормальное означало не то, чем Эстония ... действительно является, а чем она была бы, если бы не советское вторжение. Иными словами, “норма” употребляется не в значении того, какой норма является, а скорее какой она должна быть; какой была бы нормальность, если бы само развитие Эстонии было нормальным” [Rausing, 2004: p. 36]¹. Если для Германии и Эстонии отмеченные представления о нормализации безусловно доминируют, то Украина остается полем борьбы разных нормализационных ориентаций, которые видят ее либо суверенной нацией, либо частью постсоветской культурной (а то и политической) общности; либо одноязычной страной, которая в прошлом пережила русификацию, либо двуязычной, которую нынешняя власть пытается украинизировать.

В итоге даже принадлежность всех членов одного общества к одному нормализационному классу индивидов не безусловна. В частности, зависимые группы могут пытаться достичь равного положения с господствующими или путем нормализации по их образцу, или же, наоборот, путем утверждения для своих членов других критериев нормальности (например, афроамериканской красоты или лесбийской сексуальности). Но и без того нормальные способы поведения взрослых и детей, мужчин и женщин, политиков и рабочих более или менее существенно различаются. В любом случае в обществе всегда сосуществуют разные нормальности, к которым человек со времени социализации учится приспосабливаться, особенно если ему приходится активно взаимодействовать в разных социальных и/или культурных группах. Однако не все эти нормальности оказывают одинаковое влияние: некоторые из них действуют не только в какой-то группе, но и во всем обществе. Их привилегированное общественное положение обеспечивает действующая система властных отношений, воспроизводству которой эти нормальности способствуют [Gotsbachner, 2001: p. 730]. Главным средством утверждения и поддержания такого положения являются институциональные дискурсы, которые навязывают и натурализируют лежащие в основании классификации и средние и крайние показатели нормальности — иначе говоря, указывают, кто относится к нормализованному обществу и как оно действует и думает (а значит, как *следует* действовать и думать). Еще важнее вклад этих дискурсов в утверждение самого приоритета нормальности путем должествования всего, что укладывается в ее рамки, и акцентирование

¹ Эта цитата служит примером истолкования “нормы” как синонима “нормальности”. Именно оно обуславливает удивление автора тем, что норму видят такой, “каковой она должна быть”.

значительных отклонений как угрозы для спокойствия “нормальных людей” — не принимая во внимание то, чем руководствуются “ненормальные”.

Медийный вклад в создание нормальности

Дискурсу масс-медиа принадлежит одна из главных ролей и в определении границ нормального, и в утверждении самого приоритета “золотой середины”. Правда, сам Линк не уделяет особого внимания медиа как агенту нормализма, хотя и отмечает их участие в расширении нормалистических представлений, прежде всего на основе статистической информации, в том числе подаваемой в виде “кривых роста”, которые он считает наиболее ярким символом этого мировоззрения [Link, 2004b: p. 47–49]. Медиа действительно представляют разнообразные статистические “данные”, отражая тем самым привилегированное место статистики в современных обществах как способа познания их состояния и проблем [Кулик, 2005: с. 139]. С одной стороны, они сообщают — в новостных или аналитических текстах либо отдельно, без объяснений и комментариев, как бы позволяя цифрам (которые часто для наглядности сопровождаются графиками или диаграммами) “говорить самим за себя” — результаты статистического учета или оценки разнообразных аспектов деятельности “своего” и других обществ и отдельных групп или даже лиц, отслеживают изменения этих показателей во времени и сравнивают их между собой. С другой стороны, не менее распространенной стала практика публикации результатов социологических исследований мнений граждан о тех или иных аспектах их действий и представлений. В обоих случаях подача и сравнение суммарных результатов действий довольно больших масс или распространенных среди них взглядов опирается на упомянутое выше представление о функциональной тождественности индивидов и значимости совокупных, а не отдельных усилий и желаний. Эта практика способствует (само)нормализации индивидуальных и коллективных акторов согласно приемлемым показателям в соответствующих категориях, которые их — и показатели, и категории — она не только обнаруживает, но и создает. Однако она не является специфически медийной: медиа просто наиболее эффективный канал расширения этого нормалистического взгляда на человека и общество, применяемого также в науке, образовании, государственном управлении, бизнесе и т.п. Не оспаривая важности этой практики, я хочу, тем не менее, сосредоточиться исключительно на медийных средствах навязывания нормализма и очерчивания нормальности.

Главным фактором, побуждающим воспринимать медийные тексты с точки зрения нормальности, а не нормы, я считаю *множественность и взаимозаменяемость* представляемых в новостях и некоторых других жанрах природных и социальных объектов, ни на одном из которых внимание творцов и, соответственно, потребителей долго не задерживается. И только очень небольшая часть этих объектов попадает в последующие подачи, все же остальные исчезают из поля зрения журналистов и аудитории навсегда или по крайней мере надолго. При этом, как утверждает Бенедикт Андерсон, “если Мали, после двухдневных репортажей о голоде [в той стране], исчезает со страниц “Нью-Йорк Таймс” сразу на несколько месяцев, читатели ни на миг не допускают, что Мали исчезло из мира или голод уничтожил всех его граждан. Беллетристическая форма газеты гарантирует им, что где-то

там “персонаж” Мали живет своей незаметной жизнью, ожидая очередного своего появления в сюжете” [Андерсон, 2001: с. 52]. Действительно, способность подразумевать и далее существование исчезнувшего с газетных полос или из эфира “персонажа” — важная составляющая коммуникационной компетентности человека как реципиента медийного дискурса. Однако если об этом персонаже больше не говорят, то компетентные читатели или зрители должны также предположить, что ничего важного — по крайней мере для них — с тем не происходит. И даже если перед этим было сказано о голоде, они не должны ни думать о том, как предотвратить дальнейшие страдания и гибель малийского населения, ни даже интересоваться количеством голодающих и умерших.

Конечно, можно предположить, что газета рассказала о мерах, предпринятых для того, чтобы остановить голод, и уверила в их максимально возможной эффективности, поэтому читатели должны были сделать вывод о том, что все возможное уже делается и их помощь не требуется. Но представим себе, что речь идет о голоде где-то в Аризоне или даже в соседней со США Мексике: разве могла бы эта тема исчезнуть со страниц “Нью-Йорк Таймс” или какой-либо другой уважаемой американской газеты? Таким образом уклонение редакторов от представленной проблемы малийского голода свидетельствует о том, что они не предлагали читателям не только *помогать* ее решить, но и *волноваться* по поводу тамошней ситуации, то есть неявно советовали не считать проблему важной для мира и/или для них самих (таким образом отрицая возможное акцентирование на ее серьезности в двух уже опубликованных статьях). Эта предполагаемая неважность могла вытекать либо из частой повторяемости, а значит, привычности голода в такой “нецивилизованной” стране, как Мали, либо из обусловленной ее географической отдаленностью и мизерным влиянием на состояние дел в мире незначимости для американцев всего происходящего в той стране — то есть либо из “внутренней” нормальности подаваемой ситуации, либо из “внешнего” безразличия даже к ее ненормальностям. Независимо от того, какую из этих причин (или какое соотношение той и другой) имели в виду и неявно предлагали читателям редакторы, воплощенное в тематической иерархии газеты представление о неproblemности очевидно неприемлемого с нормативной точки зрения состояния поданного объекта способствовало нормалистическому отношению не только к этому объекту, но и ко всему миру. Ведь если можно не обращать на это внимания, то стоит ли заботиться о множестве других, менее страшных вещей, о чем ежедневно сообщают медиа?

Правда, медиа предлагают считать нормальным не все: они имеют и иногда используют разнообразные средства для обозначения ненормальности изображаемой ситуации, выделения ее из потока нормальных. Издание или канал могут также явно призывать читателей/зрителей вмешаться (в описанном случае — например, жертвуя деньги на спасение жителей Мали или участвуя в демонстрациях с требованием к американскому правительству принять меры для прекращения голода), и неявно побуждать их к действиям или по крайней мере выражению мнений, цитируя призывы тех или иных лиц или какие-то группы, подчеркивая серьезность ситуации или просто напоминая о ней регулярными материалами. Иногда они именно так и делают: например, накануне, во время и после урагана Катрина, ставшего в августе 2005 года причиной многочисленных жертв и огромных разруше-

ний в трех южных штатах США, новостные телеканалы этой страны несколько недель подряд говорили в основном об одной этой проблеме. Ненормальными, заслуживающими вмешательства или по крайней мере пристального внимания могут становиться не только “внутренние”, но и международные события, и даже не в слишком важных в плане национальных интересов частях мира: к примеру, на рубеже 2004–2005 годов американские медиа — в отличие от украинских — активно освещали ситуацию в странах Юго-Восточной Азии после опустошительного цунами¹. Однако подобное освещение является скорее исключением. Гораздо чаще о страшных событиях просто упоминают и сразу забывают — даже когда речь идет не о природных катаклизмах или техногенных катастрофах, где нередко нет виноватых и вмешательством может быть разве что помощь жертвам, а о социальных процессах, когда нарушение нормы должно быть, в принципе, как можно скорее прекращено и непременно наказано.

Если речь идет о новостях, то нормалистическая беспроблемность медийных представлений тесно связана с *преобладающей ориентацией на события*, а не процессы. Представляя/создавая мир в виде набора последних событий, быстро сменяющих друг друга даже в пределах газетной полосы или выпуска новостей, а завтра уступающих место другому набору, где ни об одном из вчерашних событий могут и не вспомнить, новостной дискурс придает истории вид не *развития* событий и протекания процессов, а скорее простой *последовательности* не связанных между собой случаев. Питер Голдинг и Филипп Элиот подчеркивают консервационный эффект постоянного “дополнения ограниченного набора регулярно повторяющихся событий в мире более или менее одного и того же” [Golding, Elliott, 1999: p. 641]. Но стремление медиа подавать как можно больше разной информации ведет и к другому следствию: “аудитория не имеет времени и знаний, чтобы строить общие схемы для интерпретации событий” и, следовательно, “вырабатывать целостный взгляд на природу социальной реальности” [McCullagh, 2002: p 48].

В самой структуре новостного дискурса — в преобладании сугубо информационных материалов над аналитическими, коротких над длинными и безоценочных над оценочными, а также в смешивании якобы важных новостей с “просто интересными” — воплощена ориентация медиа на *сообщение* о событиях, а не *объяснение* их (возможных) значений, на предоставление читателям/зрителям возможности *больше знать*, а не *лучше понимать*. Таким образом ориентированный дискурс побуждает аудиторию не искать никаких глубинных значений, а воспринимать и принимать упомянутые события как просто случившиеся, *как нормальные* (в своих, отчасти созданных в самом этом дискурсе категориях) факты: очередной спортивный рекорд, очередное обвинение политиков друг против друга, очередной голод в какой-то африканской стране... Иногда медиа явно или завуалированно отрицают незначимость и нормальность подаваемых событий, проблематизируя их в редакционных статьях, экспертных дискуссиях и т.п. (обычно это сочетается с новостной подачей дальнейшего развития таких событий, что усиливает ударение на их исключительности). Но в отношении подавляющего

---

¹ Допускаю, что сконцентрированность на этих двух событиях была отчасти обусловлена зрелищностью и драматизмом, с какими их можно было подавать. Однако это не противоречит, скажем так, аномализационному эффекту подобной сконцентрированности.

большинства новостей газеты и телеканалы не предлагают читателям и зрителям не только действовать или переживать, но и вообще оценивать их и соответственно корректировать свои представления о мире: короткое сообщение, после которого тут же идет следующее, никак с ним не связанное, нужно воспринять и сразу же отодвинуть на второй план, по сути, забыть, чтобы воспринимать следующее¹.

Однако нормализационное действие медийного дискурса обуславливается не только бессодержательной фрагментарностью новостей. Вторым важным способом, которым этот дискурс поощряет не оценивать представляемые действия, высказывания и представления с какой-то нормативной точки зрения и воспринимать их как просто нормальные, я считаю *отсутствии проблематизации*, то есть практику упоминания или демонстрации определенных образцов без акцентирования, обсуждения их и других видов привлечения внимания. Если представляемый политик, спортсмен, певец и т.п. говорит на определенную тему, высказывает определенное мнение, использует определенный язык и стиль и (в случае телевидения) имеет соответствующую одежду, прическу и выражение лица, — то отсутствие каких-либо объяснений, вопросов, возражений и прочих положительных или отрицательных реакций журналиста или тех, кому он предоставляет слово, означает, по моему убеждению, что и тема, и язык, и внешний вид воспринимаются этими людьми и/или будут восприниматься, по их предположению, аудиторией как соответствующие контексту или по крайней мере привычными и понятными. Во всяком случае отсутствие проблематизации демонстрируемого образца отражает (не вполне осознанное) допущение о его нормальности для такого типа людей и такого типа ситуаций, которое это демонстрирование одновременно создает или как минимум воссоздает². Более того, нормальными для каждого аспекта представляемой/создаваемой реальности являются при этом все образцы внутри определенного интервала, поэтому причины выбора между ними в конкретных случаях данная нормализация, по сути, провозглашает неважными, обусловленными скорее вкусом или стечением обстоятельств³, нежели какими-либо нормативными основаниями.

---

1 Интернет позволяет пользователям избежать мгновенного переключения на следующую новость и воспринимать важные события дольше и, значит, полнее [Гол, 2005: с. 161–163]. Однако неминуемое информационное перенасыщение ограничивает эту заинтересованную аудиторию.

2 Непроблематизированные подачи предполагают/воспроизводят еще и типологизацию, на которую опирается нормальность, то есть восприятие людей и ситуаций как представителей определенных типов, которых как раз и касается представление о нормальности тех или иных образцов.

3 Даже катастрофические случаи можно объяснить стечением обстоятельств и, следовательно, признать нормальными, хотя и периферийными. Это позволяет медиа мимоходом говорить даже о таких масштабных и не слишком распространенных явлениях, как авиакатастрофы, ураганы, эпидемии и т.п. Да и рукотворные беды типа краж или бюрократической тяготины медийный дискурс часто рассматривает скорее как неприятные обстоятельства в жизни жертв, нежели сознательные действия исполнителей: тогда нет надобности искать объяснения и давать оценки.

Разумеется, этот механизм действует не только в новостях, ведь медийные тексты любого жанра предоставляют множество образцов поведения, речи и мышления, подавляющее большинство которых остается непроблематизированным (собственно, как и во всех остальных типах дискурса, однако нормализационное могущество медийного усиливается его исключительной ролью в представлении отдельных фигурантов и групп широкой публике). Если в новостной статье или сюжете, очерке или документальном фильме автор может непосредственно высказывать свое отношение к подаваемым действиям, высказываниям и представлениям, то в ток-шоу и тем более фильмах и сериалах он делает это через посредничество других участников, которые во многих случаях так или иначе выражают положительное или отрицательное отношение к увиденному и/или услышанному, но гораздо чаще никак не реагируют, воспринимая его как просто нормальное и этим побуждая к подобному восприятию аудитории.

Утверждение нормализма и обозначение пределов нормальности, чем постоянно осуществляет представление разновидностей нормального, медиа время от времени дополняют ссылкой на тот или иной пример ненормального. В этих случаях, наоборот, стратегия заключается в привлечении внимания к освещаемому объекту и подчеркивании его необычности, отождествляемой с неприемлемостью, а нередко даже с угрозой. Вместо упоминания или показа мимоходом, проблематизированный образец становится предметом экспертных дискуссий, ток-шоу, публикующихся подборок читательских писем, порой даже острых дискуссий между героями сериалов, отражающих воображаемые “культурные тревоги” аудитории. На фоне молчаливого принятия всего остального такая исключительная сосредоточенность может выглядеть для его объектов или посторонних наблюдателей как спланированная кампания или истерический взрыв, “моральная паника” [Cohen, 1980]. В то же время остальным читателям или зрителям подобное отрицание ненормального не только указывает на грань, отделяющую его от нормального, но и усиливает их более или менее осознанную приверженность этому последнему, желание быть “как все”, точнее, как все нормальные (круг которых само это отрицание неявно очерчивает).

Говоря словами Стюарта Холла, ориентированные на массовую аудиторию медиа, особенно телевидение, “солидаризируются с умеренным, консенсусным, срединным, Ординарным зрителем, выделяя, напротив, экстремизм с обеих сторон, которые затем уравнивают друг с другом” [Hall, 1999: p. 280]. Собственно, это касается не только политического или идеологического экстремизма (например, фашизма и антифашизма, об уравнивании которых говорит Холл), но и всех других видов воображаемой ненормальности, которые дискурс самозванных нормальных, в том числе и медийный, очерчивает “исключительно в плане их отклонения от консенсуса”, якобы характерного для остального общества [Hall, 1982: p. 62]. Иначе говоря, отличия между разными образцами неважны не только в пределах нормальности, но и за этими пределами, где оказываются все ненормальные — в том числе благодаря вырыванию их форм поведения “из любого социального контекста, способного помочь их объяснить” [Bennett, 1982: p. 297] — как одним миром мазаные. Эти две взаимодополняющие составляющие нормализации делают важным только *различия* между нормальными и ненормальными. Если в пьяных водителях, коррумпированных политиках и неполитических киллерах непроблематизированная подача побуждает усмат-

ривать неизбежный, хоть и нежелательный *факт*, то гомосексуалисты, бастующие, нелегальные мигранты и прочие объекты проблематизации становятся достойной (*противо*)действием проблемой или даже угрозой. Граница между нормальным и ненормальным является культурно специфической, исторически меняющейся и более или менее размытой — но всегда важной для того, чтобы побуждать аудиторию/общество держаться “в рамках”.

Особенности украинской медийной нормализации

Реализация указанных тенденций в современной Украине имеет ряд особенностей, обусловленных политико-экономическим контекстом функционирования масс-медиа и идеологическими установками журналистов и читателей/зрителей. По моему мнению, основным отличием украинской медийной нормализации от западной является большая интенсивность, тотальность: в Украине журналисты не навязывают аудитории мнения касательно уместности чьего-либо вмешательства даже в ситуациях из ряда вон выходящего нарушения нормы. Эта тотальность — следствие ряда факторов, действующих на разных уровнях медийного дискурса.

Если говорить о новостях и ограничиваться уровнем отдельных текстов, то главным фактором медийного утверждения приоритета нормального над должным (и одновременно поддержания общественного статус-кво) является *непроблематичность* подачи большинства событий и процессов. Раньше эту черту исследователи обнаружили в телевизионных новостях периода президентской кампании 2004 года, когда способ медийного конструирования действительности определяли темники: “В основном каналы подавали события в позитивно-нейтральной плоскости, то есть освещение или не предполагало в событии каких-либо проблем, или же проблемы конструктивно решались” [Костенко, Иванов, 2005: с. 110]. За годы без темников распространенность данного явления ощутимо снизилась, хотя оно до сих пор охватывает значительную часть новостного дискурса, в частности связанного с деятельностью властей.

Непроблематичное представление подает себя как просто “сообщение” о событии, но, с точки зрения критической теории, оно скорее сохраняет определение, предложенное в текстовом источнике и/или дискурсивной конвенции, на основании которых создается текст журналистом (на телевидении также оператором). Соответственно, чаще всего медиа используют определения, которые предлагаются наиболее часто используемыми источниками, восприятие которых в качестве авторитетных и достоверных подобное использование отражает и одновременно поддерживает. Как и в западных странах, в Украине такими источниками прежде всего служат информационно-пропагандистские материалы органов власти и других элитных организаций (политических партий, бизнес-компаний, спортивных клубов и т.п.), имеющих для создания и распространения данных материалов специальные структурные подразделения. То есть деятельность этих организаций медиа в основном воспринимают по их самопредставлениям, которые в журналистских текстах могут подвергаться определенным изменениям, но далеко не всегда становятся объектом критического рассмотрения. Преобладающая *опора на источники* от таких организаций является технологическим основанием непроблематичности освещения их деятельности.

Необычайную распространенность подобной практики в сегодняшней Украине руководитель новостной службы телеканала СТБ Алексей Мустафин объяснил тем, что журналисты идут “по пути наименьшего сопротивления”, принимая от заинтересованных в позитивной подаче своей деятельности политиков (то есть их пиар-служб) “новости под ключ”, к созданию которых они сами не должны прилагать никаких усилий и за которые нередко еще и получают материальное вознаграждение. В свою очередь критическое освещение деятельности властей требует усилий (в том числе поиска информации), для чего журналистам и их руководителям нужна мотивация: соответствующие представления об общественной функции медиа и уверенность в том, что прилагаемые усилия будут способствовать ее выполнению. По мнению Мустафина, сегодня в Украине таких мотиваций в основном не имеют ни собственники (кроме тех случаев, когда конфликт с конкретным чиновником побуждает их его дискредитировать), ни менеджеры, ни — отчасти из-за противодействия их предыдущим критическим попыткам — журналисты¹.

Текстовым проявлением непроблематичной подачи деятельности акторов является отсутствие во многих новостных статьях и сюжетах каких-либо *дискурсивных средств*, способных опровергнуть или по крайней мере поставить под сомнение “сообщения” используемых источников. Среди таких средств западные исследователи называют подачу в медийных текстах точек зрения обеих или, если их больше двух, всех причастных к освещаемому событию “сторон”; подачу комментариев якобы независимых или по крайней мере квалифицированных экспертов (что сторонники медийной объективности рекомендуют в качестве альтернативы собственным комментариям журналистов); внесение в новостные тексты утверждений, призванных очертить контекст представляемого события, в частности связать его с предыдущими, связанными с пониманием этого (подобные утверждения медийники называют “бекграунд”); иронию, позволяющую журналистам несколько дистанцироваться от объектов подачи, не бросая им открытого вызова; наконец, указание тех аспектов освещаемого события, в отношении которых политики, члены правительства или другие участники описываемых событий не дали удовлетворительного, с точки зрения журналистов, ответа. Во времена Кучмы исследователи и медиа-критики неоднократно отмечали, что во многих текстах подается только один взгляд на событие, а также недостаток экспертных комментариев и “бекграунда” [см., напр.: Костенко, Иванов, 2005: с. 110; Куляс, 2004]. После отмены системы цензуры и репрессий в отношении медиа критичность и сбалансированность их представлений существенно возросли, но и сегодня во многих якобы новостных текстах нет ни одного из названных элементов проблематизации точки зрения, предлагаемых главным используемым источником².

На уровне структуры новостного дискурса важнейшей, в плане нормализации, чертой является *одноразовость представления* подавляющего

---

1 Интервью автора с Алексеем Мустафиным, заместителем председателя правления телевизионного канала СТБ по информационному вещанию, Киев, 12.08.2008.

2 Здесь неуместно приводить какие-либо количественные показатели, поскольку подсчет должен опираться на четкие критерии классификации, определение и применение которых требует целой статьи.

большинства событий. Как отмечалось выше, эта черта присуща любым новостным медиа, в которых события постоянно сменяют друг друга и каждое является новостью лишь на короткий отрезок времени. Однако украинские издания и каналы отличает преобладание одноразовости внимания даже к тем событиям, которые они явно или неявно квалифицируют как исключительные, учитывая степень отклонения от устоявшихся образцов поведения в соответствующей сфере и/или угрозы для общественных ценностей и интересов. В марте 2008 года не получили продолжения, в частности, сюжет канала “Украина” (30.03.2008) о трехнедельной голодовке детей многодетной матери в Житомире, что “никак не повлияло на спокойствие чиновников”, то есть не заставило их с пониманием отнестись к выдвинутым требованиям; рассказ журналистов НТН (5.03.2008) о том, как “[в] Одесской области неизвестные силой отобрали у ВИЧ-инфицированной женщины ее ребенка-инвалида, и почти сутки мать не знала, где ее полураздетая и больная 15-летняя дочь. Лишь позже удалось узнать, что мужчины действовали по разрешению сотрудников сельсовета и милиции, так они пытаются лишить женщину материнских прав”; материал Нового канала (19.03.2008) об “армейском бунте” в Бахчисарае, где “военнослужащие собирались применить оружие против милиционеров и судебных исполнителей, которые пришли выселять их из здания военкомата”. Эти и много других историй очевидного для журналистов беззакония они (или их руководители, которые решали, какие именно события показывать в новостных выпусках) не считали достаточно важными или интересными, чтобы рассказать, удалось ли все-таки как-то защитить жертв чиновничьего произвола или не привел ли конфликт в Бахчисарае к кровопролитию. Иначе говоря, даже такие события медийщики истолковали как нормальные, не заслуживающие пристального внимания медиа, а значит, и зрителей.

Возвращение к ранее затронутой теме является очевидным исключением: из более чем 400 сюжетов шести самых рейтинговых телеканалов в течение последней недели марта 2008 года оно имело место лишь в случаях нескольких катастроф и катаклизмов (столкновения украинского и китайского судов в Гонконге, аварии вертолета в Одесской области и разрушительных ненастий в разных частях Украины), а также колебания курса доллара, выплат вкладчикам Сбербанка и судебного процесса между СБУ и руководителями харьковской мэрии. Впрочем, все эти случаи, кроме одного, каждое СМИ освещало не более двух раз. По-настоящему ненормальной медиа, особенно телеканалы, считали и делали только ситуацию в Гонконге, о которой больше недели упоминали каждый день, к тому же, как правило, ставили эти материалы на первое место в выпуске. Абсолютное преобладание нормализационных подходов создает фон, на котором ссылка на ненормальность отдельных событий становится более заметной и действенной.

Важное значение имеет также *жанровая структура* телевизионных и газетных новостей. На телевидении главным жанром новостных выпусков является журналистский сюжет, однако наряду с ним активно применяют студийные тексты, которые нередко сопровождаются “синхронами” освещаемых фигурантов. Такие тексты ограничивают возможности для проблематизации, поэтому их использование может реализовать выбор в пользу неproblemатичной подачи, обусловленный то ли идеологически (чтобы представить определенного актора в более выгодном свете), то ли технологически (чтобы замаскировать недостаток нужной для качественного сюже-

та информации). В целом в украинских теленовостях сюжеты преобладают, хотя на разных каналах доля их существенно колеблется. Студийные тексты чаще всего используют (к примеру, на “Интере”) при освещении деятельности властей, что я склонен толковать как сознательную стратегию ухода от проблематизации и, следовательно, подачи этой деятельности как нормальной. Еще два применяемых в новостных выпусках жанра — это беседа ведущего с корреспондентом, находящимся на месте освещаемого события и использующим “прямую связь” со студией, а также разговор в студии между ведущим и одним или несколькими причастными к событию людьми. Первый из этих жанров украинское телевидение использует довольно часто — скорее всего, с целью демонстрации объективности и усиления зрелищности. Зато второй при должном выполнении более благоприятный для проблематизации и интерпретации жанр, регулярно применяют лишь на нескольких каналах, в первую очередь на “5-м” и на “Эре”.

На новостных полосах газет также преобладают жанры, структурно ограничивающие проблематизацию, — прежде всего короткие “событийные” статьи и еще более сжатые “сообщения”. Если у большинства газет тексты на половину, а то и на целую полосу занимают от трети до половины не-рекламного объема, то в новостной части таких текстов обычно всего несколько, а в некоторых изданиях нет вообще. Делать тексты короткими журналистов и редакторов стимулирует устоявшаяся графическая структура полосы, отводящая каждому тексту более или менее фиксированную площадь. Одним из элементов этой структуры обычно является секция коротких сообщений, как правило, не подписанных, а иногда и без названий. Некоторые газеты имеют и другие фиксированные элементы новостных страниц, обуславливающие непроблематичную и нормализационную подачу части событий. Например, “Україна молода” раз в неделю помещает подборку текстов под названием “Счетная палата”, где подается та или иная цифровая информация (суммы денег, количество человек, проценты и т.п.) о разных аспектах жизни Украины и мира. Акцентируя ответ на вопрос “Сколько?”, газета отвлекает внимание от вопросов “Как?” и тем более “Почему?": демонстрируя точность и объективность своей подачи (благодаря этому воспринимающейся просто как сообщение), она одновременно структурно делает невозможным объяснение контекста, причин и последствий освещаемого события. Аналогичную функцию выполняют и регулярно помещаемые в отдельных изданиях, например, в “Дне” и “Газете по-українськи”, календари событий, которые произошли в разные годы именно в этот день или на прошлой неделе. Мнимая фактичность подачи делает менее заметным ее способ и сам факт упоминания одних событий и игнорирования других.

Кроме этого, “Газета по-українськи” каждый день помещает на полосах международных или местных новостей короткие тексты под рубриками “Фарт” и “Не фарт”, рассказывающие о ситуациях, когда человеку, как подаю-ют это журналисты, в чем-то повезло или не повезло. Такими ситуациями могут быть не только не зависящие ни от кого *случайности*, к примеру, выиг-рыш в лотерею, с одной стороны, и утерянная вещь — с другой, но и *поступ-ки* самого человека или других людей, скажем, нежелание юноши возвра-щать по ошибке внесенные на счет его мобильного телефона деньги, кото-рые он потратил на разговоры с друзьями (28.03.2008, с. 6), или избивение в Киеве шотландского туриста, одетого в килт (14.09.2007, с. 10). Эти поступ-ки можно было бы оценивать с моральной, правовой или иной нормативной

точки зрения, однако редакторы, которые ввели эту рубрику, предлагают воспринимать ее сугубо нормалистически: случилось, и все тут¹.

Что касается неновостного дискурса, то его главной нормализационной характеристикой является безусловное *доминирование развлекательных продуктов* над социальными (аналитическими, познавательными, художественными и т.п.). Это доминирование обусловлено предпочтениями большинства зрителей и читателей, которые вынуждены удовлетворять коммерческие каналы и издания, и практическое отсутствие влиятельных альтернативных медиа, ориентированных на менее обширные, зато “более качественные” аудитории (прежде всего общественного телевидения). Большая часть эфирного времени почти всех каналов приходится на сериалы и фильмы, кроме того, значительное место занимают откровенно развлекательные продукты типа музыкальных или юмористических программ, а также познавательные и публицистические продукты с осязательным элементом развлечения. Более того, даже те продукты, которые якобы имеют информационное или публицистическое направление, то есть документальные фильмы и политические ток-шоу (собственно, как и выпуски новостей), телевизионщики все больше и больше превращают в развлечение.

Так же и в газетах существенную площадь заполняют тексты прежде всего или отчасти развлекательные. В изданиях для массовой аудитории самыми популярными жанрами неновостных полос являются интервью с известными или рядовыми, но в чем-то неординарными людьми и очерки об их судьбах. В обоих случаях обычно подчеркивается особенный опыт и связанные с ним эмоции, на что читатель должен так же эмоционально (восторженно, растроганно, радостно и т.п.) откликаться, но не представления о конкретной сфере или обществе в целом, характерных для них проблемах и путях их разрешения. Обязательным элементом всех таких — и даже многих якобы “качественных” — изданий являются анекдоты, кроссворды и прочие сугубо развлекательные продукты. Вместе с тем тексты проблематизационных жанров — редакционные статьи, экспертные комментарии или проблемные (не просто событийные) статьи популярные газеты помещают крайне редко. К тому же ряд подобных статей, как можно судить из их однозначной позиции в чью-то поддержку или осуждение, — это оплаченный пиар конкретных лиц или организаций, а для газеты, соответственно, скорее способ заработка, нежели постановки проблемы.

Еще один важный фактор идеологического влияния медиа — *их тематические* приоритеты. Несмотря на мнимое разнообразие подачи событий и практик, отдельные составляющие человеческого опыта становятся объектом медийного внимания гораздо чаще других — и благодаря этому имеют больше шансов утвердиться в сознании читателей и зрителей как часть жизненного мира нормального человека. Украинские медиа в неновостных про-

¹ Главный редактор газеты Владимир Рубан признал этическую уязвимость применения данного подхода к определенным ситуациям, но высказался за ее минимализацию путем более тщательного отбора материалов для указанных рубрик. Вместе с тем он объяснил, что подобный отбор усложняется потребностью ежедневного заполнения этой структурной ниши, саму уместность которой он под сомнение не поставил — по-видимому, считая ее роль как фактора разнообразия газетных полос более важной, чем возможная этическая неадекватность отдельных текстов (на основании интервью автора с Владимиром Рубаном, главным редактором издания “Газета по-українськи”, Киев, 13.06.2008).

дуктах концентрируют особое внимание на частной и профессиональной жизни человека, а об общественно-политической ангажированности (о том, что не является частью политики как профессии) практически не упоминают. Большинство сериалов и реалити-шоу, с персонажами которых зрители могут так или иначе идентифицироваться, — одновременно *развлекаясь*, наблюдая за их радостями и заботами, — посвящено прежде всего частной жизни: любви, родственным и дружеским отношениям, обустройству жилья, приготовлению пищи, приему гостей и т.п. Аналогичные приоритеты имеют и популярные газеты. Большинство интервью и очерков касаются частной жизни (даже из политиков журналисты пытаются сделать “нормальных людей”, спрашивая их о семье, хобби и т.д.). А тематические полосы посвящены считающимся нормальными человеческим занятиям: ремонту, покупкам, путешествиям или лечению. Иногда журналисты могут предложить читателям разговор о профессиональной жизни спортсмена, актера, модели или другого привлекательного своей неординарностью человека. Однако мне не приходилось видеть таких рассказов об адвокатах-правозащитниках, активистах общественных организаций или регулярных участниках политических митингов: их могут представить лишь как одну из сторон конфликтов, в которых медиа не предлагают кого-либо поддерживать и своей демонстративной нейтральностью и отсутствием объяснений скорее побуждают читателей держаться подальше.

Все эти факторы способствуют восприятию презентованных событий и процессов как просто нормальных, не заслуживающих глубокого интереса, обеспокоенности, а тем более вмешательства. Их совокупный эффект заключается не только в поощрении у читателей или зрителей нормалистического взгляда на мир, но и в очерчивании той его части, к которой этот взгляд следует применять. Ясное дело, нормализационные факторы не охватывают всего множества влияний медийного дискурса, и нормативные предписания в нем тоже по-разному проявляются. К тому же аудитория не всегда принимает медийные “подсказки” безоговорочно: некоторые читатели и зрители могут поискать дополнительную информацию о мимоходом упомянутом в новостях событии, а кто-то может и вовсе отказаться от непроблематизационных изданий или телепрограмм. В отношении любых аспектов идеологического влияния медиа окончательные выводы можно делать, только дополнив анализ дискурса анализом процесса его восприятия в определенных контекстах. Впрочем, многоуровневость, стабильность и неясность нормализационных побудителей дают основания предполагать, что значительная часть аудитории их не замечает и именно поэтому не сопротивляется.

Литература

- Андерсон Б. Уявлені спільноти: Міркування щодо походження й поширення націоналізму. — К., 2001.
- Гол Д. Онлайн-журналістика. — К., 2005.
- Гарфінкел Г. Дослідження з етнотимології. — К., 2005.
- Костенко Н., Иванов В. (ред.). НОВИНИ VS. НОВИНИ: Виборча кампанія в новинних телепрограмах. — К., 2005.

Кулик В. “Творення здорового глузду” в сучасному українському дискурсі з мовно-етнічних проблем // Інститут політичних і етнонаціональних досліджень НАН України. Наукові записки. — К., 2003. — Вип. 24. — С. 218–241.

Кулик В. Роль мас-медій у підтриманні комплексу влади/знання: дискурс щодо Всеукраїнського перепису населення 2001 року та його результатів // Інститут політичних і етнонаціональних досліджень НАН України. Наукові записки. — К., 2005. — Вип. 27. — С. 139–171.

Куляс І. Висвітлення політреформи — непрофесіоналізм професіоналів? // Телекритика. — 2004. — 13.02. — <<http://www.telekritika.kiev.ua/comments/?id=13487>>.

Словник української мови. — К., 1974. — Т. 5.

Bennett T. Media, “reality”, signification // Culture, society and the media / Ed. by M. Gurevitch et al. — L.; N.Y., 1982. — P. 268–286.

Cohen S. Folk Devils and Moral Panics: The Creation of Mods and Rockers. — Oxford, 1980.

Geertz C. Local Knowledge: Further Essays in Interpretative Anthropology. — N.Y., 1983.

Gotsbachner E. Xenophobic normality: the discriminatory impact of habitualized discourse dynamics // Discourse & Society. — 2001. — Vol. 12. — № 6. — P. 729–759.

Hall S. The rediscovery of “ideology”: return of the repressed in media studies // Culture, Society and the Media / Ed. by M. Gurevitch et al. — L.; N.Y., 1982. — P. 56–90.

Hall S. Racist ideologies and the media // The Media Studies: A Reader / Ed. by T.Marris. — Edinburgh, 1999. — P. 271–282.

Link J. Versuch über den Normalismus: Wie Normalität produziert wird. — Opladen; Wiesbaden, 1999.

Link J. From the “power of the norm” to “flexible normalism”: Considerations after Foucault // Cultural Critique. — 2004a. — Vol. 57. — P. 14–32.

Link J. The normalistic subject and its curves: On the symbolic visualization of orienting data // Cultural Critique. — 2004b. — Vol. 57. — P. 47–67.

Rausing S. History, Memory and Identity in Post-Soviet Estonia: The End of a Collective Farm. — Oxford, 2004.